

Сергей Андреевский

Дело Мироновича

Судебные речи

Сергей Андреевский

Дело Мироновича

«Public Domain»

1894

Андреевский С. А.

Дело Мироновича / С. А. Андреевский — «Public Domain»,
1894 — (Судебные речи)

«28 августа 1883 г. утром, около девяти часов, на Невском проспекте в Петербурге в доме, в котором была расположена ссудная касса, принадлежавшая И. И. Мироновичу, был обнаружен труп 13-летней девочки Сарры Беккер. Труп во время его обнаружения был уже совершенно холодным и находился в маленькой комнате кассы. Комната была заставлена мягкой мебелью. Покойная лежала навзничь поперек большого мягкого кресла. Одетая Сарра была в новое праздничное платье, в чулках и полусапожках. Голова ее, с расплетенной косой и всклокоченными на лбу волосами, покоилась на ручке кресла и ручке рядом стоящего дивана. Обнаженные выше колен ноги были раздвинуты таким образом, что создавалось впечатление, что поза была придана покойной при ее жизни насильственным путем. Это подчеркивалось и откинутой выше колен юбкой...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Сергей Аркадьевич Андреевский

Дело Мироновича

28 августа 1883 г. утром, около девяти часов, на Невском проспекте в Петербурге в доме, в котором была расположена ссудная касса, принадлежавшая И. И. Мироновичу, был обнаружен труп 13-летней девочки Сарры Беккер. Труп во время его обнаружения был уже совершенно холодным и находился в маленькой комнате кассы. Комната была заставлена мягкой мебелью. Покойная лежала навзничь поперек большого мягкого кресла. Одета Сарра была в новое праздничное платье, в чулках и полусапожках. Голова ее, с расплетенной косой и всколоченными на лбу волосами, покоилась на ручке кресла и ручке рядом стоящего дивана. Обнаженные выше колен ноги были раздвинуты таким образом, что создавалось впечатление, что поза была придана покойной при ее жизни насильственным путем. Это подчеркивалось и откинутой выше колен юбкой. На лбу Сарры Беккер, над правой бровью зияла большая рана неправильного очертания, проникающая до кости. Одежда покойной состояла из черной шерстяной накидки, в правом кармане которой найден ключ от входной двери в кассу ссуд, а в левом кармане – недоеденное яблоко. При осмотре трупа в правой руке Сарры был обнаружен клочок волос, крепко зажатый пальцами.

Во время осмотра места происшествия в этой комнате были обнаружены разбросанные в беспорядке десять просроченных квитанций на заложенные в кассе ссуд Мироновича вещи Грязнова к его же вексель в 50 рублей. По объяснению Мироновича, документы эти хранились в одном из ящиков письменного стола, откуда, видимо, и были изъяты преступником. Кроме мягкой мебели, в комнате находились шкафы и витрина, в которых были заперты ценные предметы. Однако все они находились в исправном состоянии, под замками, и ключи от них висели на их постоянных местах. Тем не менее, во время осмотра И. И. Миронович заявил о пропаже с витрины ряда ценных вещей – всего на сумму около 400 рублей (в то же время большинство ценных предметов, находящихся на витрине, были нетронутыми). Все описанные обстоятельства сразу же придали убийству Сарры Беккер большую загадочность. С одной стороны, расположение трупа указывало на убийство с целью изнасилования. С другой, – пропажа ряда ценных предметов с витрины создавала впечатление убийства с целью грабежа. Проведенная судебно-медицинская экспертиза (профессором Сорокиным) выдвинула предположение о возможности покушения на изнасилование. В результате проведения ряда следственных действий (допрос свидетелей, эксперименты и пр.) подозрение в изнасиловании и убийстве Сарры Беккер пало на И. И. Мироновича.

Обвинение Мироновича было почти полностью построено на косвенных уликах. Следователь принял во внимание, что Миронович был равнодушен к женщинам вообще и к Сарре Беккер в частности. При ее жизни он неоднократно заискивал перед ней, ласкался к ней, старался всячески, ее расположить к себе. Сарра же ненавидела Мироновича, о чем делилась с подругами и соседками. Первоначальная следственная версия сводилась к тому, что Миронович, решив изнасиловать Сарру Беккер 28 августа, в день, когда отец Сарры был в отъезде, попытался привести свое намерение в действие. Однако в силу каких-то причин ему это не удалось, поэтому он убил свою жертву. В целях сокрытия мотивов убийства он инсценировал грабеж: изъял из витрины несколько ценных предметов, разбросал по полу несколько векселей и квитанций своих должников (в частности Грязнова) и пытался создать видимость своего отсутствия в доме во время убийства. Следствие с обвинительным уклоном против Мироновича подходило к концу. Однако одно обстоятельство прервало его на некоторое время. Неожиданно для следователя 29 сентября 1883 г. в полицию явилась неизвестная гражданка, назвавшаяся Семеновой, и сообщила, что Миронович в этом преступлении не виновен и что убийство совершила она сама. Семенова очень подробно описала обстоятельства убийства и

цели его, в связи с чем Миронович был немедленно освобожден из-под стражи и в следствии по делу начался новый этап.

Семенова заявила, что она очень любит М. М. Безака. Ради него она уже совершила несколько краж. Ради него она решилась и на убийство с целью ограбления Сарры Беккер. С повинной она явилась потому, что Безак вновь стал охладевать к ней и ей стало жаль невинного человека (Мироновича), привлеченного по данному делу. Однако вскоре Семенова отказалась от своих показаний и заявила, что Сарры Беккер она не убивала. Миронович вновь был арестован, и дальнейшее следствие продолжалось уже против трех лиц. (Безак также был разыскан и содержался под стражей.) Следствием была выдвинута новая версия, подсказанная Безаком. А именно. Убийство совершено Мироновичем. Однако в момент убийства он был захвачен Семеновой. Чтобы заставить ее молчать, он дал ей несколько ценных вещей, которые Семенова приняла и затем продала.

С такой формулировкой обвинения дело и поступило в суд. Миронович обвинялся в покушении на изнасилование и убийство. Семенова – в недонесении об убийстве и сокрытии его. Безак – в недонесении. С.-Петербургский окружной суд, слушавший дело с 27 ноября по 3 декабря 1884 г., признал обвинение доказанным и осудил всех привлеченных по делу.

По протесту прокурора, вследствие допущенных судом процессуальных нарушений и в связи с жалобой Мироновича дело было передано на новое рассмотрение. Причем при новом рассмотрении оно было разбито на две части: отдельно слушалось дело по обвинению Мироновича и отдельно было рассмотрено дело Семеновой и Безака. Дело по обвинению Мироновича было рассмотрено 23 сентября – 2 октября 1885 г. в том же суде с участием присяжных заседателей. По делу выступили: в качестве гражданского истца Д. И. Урусов, Мироновича защищали Н. П. Карабчевский и С. А. Андреевский.¹

* * *

Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Процесс, действительно знаменитый, ждет, чтобы вы сказали свое слово – на этот раз, вероятно, последнее. В этом важном и запутанном процессе мы вовсе не желали бы уйти в благоприятные для нас потемки, чтобы в них найти выигрыш дела. Нет! Мы желали бы предложить вам честное пособие нашего опыта, дать вам в руки ясный светильник, в котором бы вы вместе с нами обошли все дебри следственного производства и вышли бы из него путем правды. Не следует забывать, что дело об убийстве Сарры Беккер остается историческим в судебных летописях; оно получит свою славу как важное искушение для судебной власти впасть в ошибку. Осуждение же невинного или одна только возможность его есть уже общественное несчастье, которое следует изучить и отметить, чтобы погрешности, которые его вызвали, больше не повторялись. Поэтому, я надеюсь, вы будете к нам внимательны.

Нужно заметить, что все мы находимся теперь в несравненно лучших условиях, чем при первом слушании дела. С великой мудростью поступил сенат, что он заставил судить одного Мироновича. В том виде, как дело ставилось в первый раз, никогда нельзя было разрешить его правильно. Тогда прокурор выставлял на скамью подсудимых двух взаимно исключających убийц – Миронович и Семенову – и говорил: «выбирайте любого! Мне который-нибудь останется». И хотя для формы Миронович именовался исполнителем убийства, а Семенова – попутчицей, но всякий чувствовал, что между ними будет отчаянная борьба и что лжи не будет конца. Сенат рассек это противоестественное сплетение Мироновича и Семеновой, и в сущности сенатский указ, если смотреть далее формальностей, говорит преследующим властям: «будьте откровеннее в приемах». И теперь действительно легче. Хотя Семенова и Безак

¹ Речи Н. П. Карабчевского и А. И. Урусова приводятся в Сборнике в соответствующих местах (см. стр. стр. 378 и 750).

отрезаны, но целостность картины не нарушена. Напротив, с выпадением этих участков для нас отпадает политика размежевания защит, и мы можем трактовать о них с более легким сердцем, не опасаясь им повредить. Второе преимущество, теперешнего разбирательства – общее обогащение наше в приемах критики. Когда прежние присяжные вынесли свой приговор, то не только никто не успокоился, что судьи внесли ясность, но, напротив, все принялись работать над этим делом с новым усердием: ученые стали опровергать экспертизу, публицисты критиковали судебных деятелей, беллетристы придумывали рассказы, в которых по-своему разгадывали судебную драму. Всякий, кто мог, высказывался печатно, и даже находились любители, которые сочиняли защитительные речи за Мироновича – увы! – после обвинительного приговора. Все эти материалы были в нашем распоряжении при подготовке к делу, и теперь, когда я буду почти дословно повторять убежденную защиту моего товарища, сказанную им в первый раз, я буду все-таки чувствовать себя крепче, потому что многие из его доводов были разделены теми, кто после него работал над делом, и таким образом доводы эти, отраженные в зеркале чужого ума, перестали быть эфемерными, перестали быть изобретением защиты: они получили облик правды.

После всего, что я извлек из этого материала, я имел возможность сделать свой вывод; он стал для меня ясен, как для судьи, который больше не колеблется. И затем уже, не страшась никаких сюрпризов от противников наших, я знал, что ничто на суде не может повредить подсудимому. Пред нами было прежнее обвинение присяжных. Мы перед ним преклоняемся и убеждены, что оно произнесено по совести. Но те присяжные не имели того громадного опыта, которым мы владеем теперь. И притом – какие же воздействия были на их совесть! Мы должны эти воздействия разобрать. Наученные первым страшным уроком, мы должны «то же слово, да иначе молвить». Убежденная защита есть законный противник и следственной власти, и прокурорского надзора, и обвинительной камеры. Она вправе сказать им: до сих пор вы работали без нас; но мы пришли, и как люди свежие, обзрев то, что вы сделали, мы ясно видим, как вы глубоко ошиблись; все, что вы нашли и усмотрели, только сбивает с дороги. Истина вовсе не там, где вы ее искали. Вот в какой стороне, вот где она, по нашему убеждению, эта истина! Поэтому мы можем ограничиться блужданием только по той дороге, куда нас влечет обвинение, и согласиться, что в одном сомнении насчет Мироновича сосредоточены теперь все вопросы дела. Нет! Миронович здесь, по нашему мнению, не больше, как бельмо на глазу следственной власти, которое ей мешало видеть правду и которое мы намерены снять с этого глаза. И если мы достаточно вооружены для подобной операции, то, конечно, такая защита будет самой правильной, как потому, что этим путем совесть судей очищается от всяких сомнений, так и потому, что нет совершеннее возражения со стороны подсудимого прокурору, как ясный отвод обвинения к определенному другому лицу, как простая формула: «вы меня приняли за другого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.